

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ НА ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – 1950-е гг.

Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы».

Одним из наиболее интересных, насыщенных событиями и в то же время противоречивых периодов в истории нашей страны является вторая половина 1940-х – 1950-е гг. – переходное время от завершающегося этапа сталинизма к начальному этапу «Оттепели». Эти этапы, являясь по своей сути дихотомическими, оставили значительный след в истории страны, в том числе и в отечественной высшей школе. В работе была сделана попытка на материале ИФФ ТГУ дать характеристику этому периоду в отношении гуманитарного сегмента советской высшей школы и выявить его характерные черты в провинциальном сибирском вузе.

Ключевые слова: ТГУ; общественно-политическая жизнь; идеологические кампании.

Исторический факультет в ТГУ был открыт накануне войны в 1940 г. и в 1941 г. был реорганизован в историко-филологический факультет (ИФФ) [1]. При организации в ТГУ истфака, во исполнение известного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1934 г. [2], Наркомпрос РСФСР ставил задачу подготовки новых кадров историков, чтобы поднять на новую ступень дело исторического образования в средних и высших школах Сибири. Согласно инструкции Наркомпроса РСФСР истфак ТГУ должен был готовить всесторонне развитые научные и преподавательские кадры историков, «вооруженные знаниями конкретного исторического материала, владеющих марксистско-ленинским методом диалектики и способных с позиции научного марксизма-ленинизма рассматривать сложные события истории и современной общественной жизни» [3. Л. 10об]. В отчетном докладе партгруппы истфака за первый год его работы говорилось, что значение его открытия в ТГУ было огромным, поскольку «историк – одна из наиболее дефицитных специальностей в нашей стране» [4. Л. 19]. Директор ТГУ доцент Я.Д. Горлачев на собрании партгруппы факультета в апреле 1941 г. отметил, что факультет готовит не только преподавателей для средних школ, но и партийных работников [3. Л. 7об]. Таким образом, истфак сразу стал рассматриваться руководством как центр подготовки еще и работников по идеологическому воспитанию населения. Именно поэтому в военные годы ИФФ сыграл значительную роль в деле подготовки специалистов и в патристическом воспитании населения Томска и городов Западной Сибири.

В послевоенные годы ИФФ включал три отделения – историческое, русского языка и литературы и классической филологии. В 1947 г. последнее было преобразовано в отделение русского языка, психологии и логики. ИФФ стал вести подготовку специалистов по истории СССР, всеобщей истории, русскому языку, русской литературе, классической филологии, логике и психологии [5. 7 авг.]. В 1955 г. отделение русского языка, психологии и логики было закрыто, и остались только два отделения – историческое и филологическое.

В первые послевоенные годы на ИФФ, ввиду его специфики и особого положения в системе идейно-политического воспитания, стала проводиться серьезная работа среди преподавателей и студентов, направ-

ленная на укрепление их идейно-политических взглядов, которые были значительно ослаблены после войны, особенно в отношении вопросов внешней политики СССР и взаимоотношений со странами Запада. Кроме того, в эти годы возрос партийно-государственный контроль за работой вузов. На ИФФ был проведен ряд открытых собраний партбюро, где в качестве докладов были сделаны сообщения о международном положении, о работе Генассамблеи ООН, а после знаменитой речи У. Черчилля в Фултоне были проведены расширенные занятия со студентами и преподавателями по обсуждению сложившейся ситуации, которая заложила основу «опускания железного занавеса» между двумя военно-политическими блоками [6. Л. 10].

В течение 1947–1948 гг. сначала на всесоюзном, а затем и на региональном уровнях стали проводиться крупные идеологические кампании, которые в основном, были направлены против советской интеллигенции. Однако в условиях Западной Сибири они имели свои особенности и характерные черты [7, 8]. Эти кампании, с одной стороны, были направлены на борьбу с инакомыслием в СССР, которое стало проявляться в послевоенные годы, а с другой – имели своей целью усиление чувства патриотизма советских граждан, поднятие значения и престижа отечественной науки, культуры и в целом Советского государства. Череда этих кампаний не прошла и мимо ТГУ. Первые кампании, которые состоялись в стенах университета, были ориентированы на борьбу с «низкопоклонством» перед Западом и борьбу с космополитизмом. Эти кампании стали оказывать определенное влияние на общественно-политический климат в профессорско-преподавательской и студенческой среде ИФФ.

Проводимые в ТГУ кампании были направлены на две составляющие университетской жизни – образовательный процесс и научную деятельность. В ходе этих кампаний в ТГУ было пересмотрено и изменено 90 учебных программ на разных факультетах. В основном это затронуло гуманитарные и общественно-научные кафедры, в первую очередь кафедры ИФФ. В 1948 г. ученый совет ИФФ с участием профессорско-преподавательского состава пересмотрел большую часть лекционных курсов «по линии настойчивого проведения большевистского принципа партийности в их чтении и отказа от преклонения перед западной буржу-

азной наукой и широкой популяризации достижений русских ученых в прошлом и, в особенности, успехов советских исследователей» [6. Л. 46об.]. Особенно тщательно были пересмотрены программы учебных курсов на кафедре русской литературы [9. Л. 144–144об.]. Значительные изменения в учебные планы и программы вносились также и на исторических кафедрах [9. Л. 144об.–145]. Так, в отношении филологических кафедр изменения сводились к наиболее яркому выделению роли отечественных ученых в литературоведческих и лингвистических исследованиях в сравнении с зарубежными исследованиями [9. Л. 144–144об.]. В отношении исторических кафедр изменения были направлены на следующие аспекты. В учебных курсах кафедры истории СССР наиболее рельефно стала отражаться роль России на мировой арене, особенно в части освободительного движения балканских народов и роли прославленных русских полководцев. На кафедре новой истории особое внимание было обращено на выявление принципиального отличия Октябрьской революции от буржуазных революций, происходивших в других странах, показывались реакционная роль в истории нового времени английского и американского империализма, «лживость и порочность англосаксонской демократии» [9. Л. 145]. В изложении лекционного материала сотрудниками кафедры истории Древнего мира и Средних веков систематически проводилась критика основных направлений западноевропейской историографии по кардинальным проблемам истории Средних веков. Ими стала вестись популяризация исследований советских медиевистов, особое внимание обращалось на разоблачение фашистской фальсификации истории о «превосходстве немецкой расы» над славянами [9. Л. 145].

В марте 1949 г. прошло собрание научных работников и студентов ИФФ, посвященное «вопросу об антипатриотической группе критиков и проявлениях космополитизма, эстетства и формализма в советской литературе». На собрании подвергся критике ряд советских писателей и литераторов, в том числе и томских, «за формализм, эстетство и безыдейность». Подвергались критике и советские фольклористы за «их компаративистские установки». Собрание «единодушно выразило свое огромное удовлетворение выступлениями центральной печати, разоблачившей вредную деятельность антипатриотической группы критиков-космополитов» [10. 21 марта]. Однако к чести ИФФ ТГУ, на этом вся борьба и прекратилась.

В силу отдаленности ТГУ от центра страны профессорско-преподавательский состав ИФФ мало пострадал от этих кампаний. Однако некоторые отголоски репрессивной политики в отношении гуманитарной интеллигенции докатились и до него. В ходе этих кампаний по разным основаниям под давлением властей были вынуждены уйти с факультета и перейти на работу в другие вузы профессор К.Э. Гриневич и А.П. Дульзон, доцент В.Ю. Гессен. Доцент Р.Е. Кугель был осужден по 58-й статье УК РСФСР и приговорен к заключению. В основном всех их обвиняли в том, что они недооценивали в своих курсах роль русских исследователей и преподносили свой материал с точки зрения буржуазного объективизма [11. Л. 3].

Таким образом, широкомасштабными репрессиями и мероприятиями по изменению учебной и научной деятельности эти кампании в ТГУ для гуманитариев отмечены не были. Все ограничивалось лишь разбором персональных дел на общих собраниях коллектива факультета и некоторыми корректировками учебного и научного процесса, исходившими из требований общей идеологической конъюнктуры, которой вынуждены были придерживаться руководители факультета и кафедр. В значительной степени, как отмечает Б.Г. Могильницкий, эта борьба на факультете и в университете носила «ритуальный характер и была борьбой вообще» [12. С. 127].

Еще одной громкой идеологической кампанией рубежа 1940-х – 1950-х гг. стало разоблачение позиции академика Н.Я. Марра (так называемая «марровская школа») в отношении вопросов языкознания. В 1950/51 учебном году работа факультета и всех кафедр (не только филологических) проходила «в обстановке освоения всем коллективом гениального сталинского труда «Марксизм и вопросы языкознания», в обстановке развернутой деятельности по практической реализации в педагогическом процессе выводов из этого труда» [13. Л. 18]. Была начата работа по коренному пересмотру преподавания «в плане практической реализации выводов из работы И.В. Сталина» [13. Л. 18]. Проспекты некоторых курсов, читавшихся кафедрами ИФФ, стали предметами специальных кафедральных совещаний, проходивших в обстановке критического анализа «марровских ошибок», которые якобы допускались сотрудниками кафедр, в том числе исторических, на протяжении нескольких лет.

Период второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. также был ознаменован в СССР серией идеологических кампаний против некоторых наук и их представителей. Шли гонения как на отдельные научные направления и школы, так и в целом на науки (например, на генетику, кибернетику и проч.). Одной из таких «жертв» стала философия, которая тесным образом в учебном и научном процессе была связана с историей и филологией. Так, в октябре 1947 г. в Москве прошла философская дискуссия, которая, по словам ее инициатора А.А. Жданова, «превратилась в своего рода всесоюзную конференцию по вопросам состояния научно-философской работы» [5. 14 окт.]. По итогам московской дискуссии приказом замминистра Виссо СССР на ИФФ ТГУ в 1947/48 учебном году предполагалось даже открыть кафедру философии [5. 22 окт.]. Кафедра должна была создаваться главным образом для самого ИФФ, чтобы улучшить качество преподавания на нем философских дисциплин. Кроме того, предполагалось открыть еще и философское отделение при ИФФ [5. 22 окт.]. Однако эта мера в силу разных причин так и не была реализована.

После смерти И.В. Сталина, особенно после прошедшего в 1956 г. XX Съезда КПСС, идеологические кампании продолжились. Они лишь изменили свой вектор направленности. В эти годы стала идти борьба уже с пережитками прошлого в виде борьбы с «догматизмом, начетничеством и доктринерством в преподавании и науке и во всех областях идеологической политики» [14. 13 мая], с культом личности самого

И.В. Сталина и т.п. В связи с решениями XX Съезда во всех университетах страны стали вновь пересматриваться учебные программы, характер работы, даже стиль преподавания работников вузов. Кардинальным изменениям подверглась и доктрина гуманитарного образования и науки. Подобные процессы стали происходить и в стенах ТГУ. На его факультетах проводились заседания ученых советов, в рамках всего ТГУ проходили конференции и собрания преподавателей и студентов, где обсуждались вопросы дальнейшего развития науки и образования [15. Л. 58–60об.]. Выступавшие на собраниях ведущие сотрудники ТГУ особо подчеркивали «необходимость коренной перестройки всей учебной и научной работы в свете исторических решений XX Съезда КПСС» [15. Л. 59 об.]. По итогам ряда таких собраний ученый совет ИФФ постановил всем кафедрам в основу работы положить материалы XX Съезда и обратить особое внимание на борьбу с культом личности, доктринерством, догматизмом и начать сближение науки с практикой. Кроме того, было принято решение поручить деканату и заведующим кафедрами совместно выработать план мероприятий по конкретному применению решений Съезда в деятельности кафедр, что и было реализовано в последующий период [15. Л. 60об.].

Надо сказать, что в эти годы, помимо чисто административных и репрессивных мер в вопросе идеологической работы с профессорско-преподавательским составом, на факультете активно применялись и воспитательные меры. Политико-воспитательная работа среди сотрудников факультета шла в рамках методологических семинаров, проводимых для сотрудников и аспирантов ИФФ. По сравнению с методсеминарами других факультетов, занятия на ИФФ всегда отличались наибольшей активностью его участников и масштабностью. Поскольку большую роль во внутрифакультетской жизни всегда играла партийная организация ИФФ, то она контролировала научную, преподавательскую, общественную жизнь сотрудников и студентов. В том числе огромное влияние она оказывала и на тематику и содержание методсеминаров. К тому же партийная организация ИФФ всегда относилась к числу наиболее крупных факультетских парторганизаций университета [16. Л. 27]. Особое место методсеминара в системе политико-воспитательной работы определялось уже тем, что он фактически решал двуединую задачу: во-первых, служил задачам идейно-политического воспитания профессорско-преподавательского состава ИФФ и, во-вторых, повышал его научно-теоретическую подготовку.

Студенты ИФФ в наименьшей степени, чем преподаватели, были стеснены формальными рамками официальной идеологической жизни, поэтому их общественная жизнь была более насыщенной и активной. Большое влияние на это оказывали общие условия послевоенного времени и то, что в те годы на факультете обучалось большое количество фронтовиков, обладавших широким спектром либеральных взглядов. Так, летом 1948 г. группой студентов ТГУ и ТПИ было создано неформальное объединение под названием «Лунное общество». Студент ИФФ первых послевоенных лет Б.Г. Могильницкий характеризовал его как «лите-

ратурно-эротическое общество», члены которого предпринимали попытки создания свободной, вольной жизни, «которая выходила за рамки того регламента, того статуса, который был положен» [17. С. 137]. Естественно, что общество просуществовало недолго. Вскоре деятельность их организации привлекла к себе внимание областных органов госбезопасности, и было начато разбирательство по этому делу, однако обвинить их ни в антигосударственной деятельности, ни в антисоветской агитации или пропаганде не удалось. Участники этой группы отделались лишь строгими выговорами и общество само прекратило свое существование.

Одним из самых заметных и неординарных событий студенческой жизни того периода явился комсомольский диспут, прошедший в конце 1956 г. в ТГУ. После XX Съезда КПСС по всей стране, особенно в вузах, активизировалась общественно-политическая жизнь, в первую очередь, в кругах студентов и молодых преподавателей. Не остались в стороне от этого и студенты ИФФ ТГУ. В ноябре 1956 г. они приняли участие в университетском комсомольском диспуте, прошедшем в зале областного лектория, по вопросам дальнейшего развития Комсомола [18]. На этом собрании студент геолого-географического факультета ТГУ Г. Швейник (зам. председателя спортклуба ТГУ) в своем выступлении заявил о формализме и заорганизованности в комсомольской организации. Среди выступавших на этом диспуте был и выпускник ИФФ Н.С. Черкасов (зам. секретаря комитета ВЛКСМ ТГУ, кандидат в члены КПСС, ассистент кафедры всеобщей истории) [19. Л. 7]. Он поддержал высказывание Г. Швейника о необходимости большего развития самостоятельности комсомола. Это собрание вызвало широкую дискуссию и отклик во всем университете.

Проблема, затронутая на университетском диспуте, нашла свое продолжение на комсомольском собрании ИФФ под лозунгом «Эй, товарищ, больше жизни!». С точки зрения сегодняшнего дня, там не было никакого инакомыслия, но царилло стремление студентов высказаться и выразить свое особое мнение, отличное от официальной позиции руководства ВЛКСМ [17. С. 145]. Однако после череды подобных несанкционированных и произвольных собраний уже 9 января 1957 г. было принято решение Томского обкома КПСС «О политико-воспитательной работе среди студентов ТГУ». Согласно этому решению в отношении некоторых участников диспута были приняты не только дисциплинарные, но и административные меры. В частности, Н.С. Черкасов был исключен из кандидатов в члены КПСС и уволен с работы. На кафедре, где он работал, и в его доме были произведены обыски и выемка документов [19. Л. 7]. Многие студенты ИФФ, сочувствуя любимому преподавателю, даже собрали деньги ему на подарок, когда его уволили с работы [20. Л. 4].

17 января 1957 г. состоялось закрытое собрание партийной организации ИФФ. На повестке дня стояло обсуждение двух решений: решения парткома ТГУ от 7 января 1957 г. «Об итогах проведения комсомольских собраний и диспутов» и решения Томского Обкома КПСС от 9 января 1957 г. «О политико-воспитательной работе среди студентов ТГУ». Доклад о решении Томского обкома сделала секретарь парткома ТГУ

Л.С. Фирюлина [20. Л. 1]. Все выступившие на собрании поддержали принятое обкомом решение. В постановлении собрания было записано, что «партийное бюро факультета допустило серьезную ошибку, разрешив проведение диспута, не осуществив должного контроля за его подготовкой и проведением». Было подчеркнуто, что секретарь партбюро М.Е. Плотникова «допустила политическую близорукость, санкционировав демагогические выступления студента Ткаченко на комсомольском собрании» [20. Л. 5].

Несмотря на то что данные события не повлекли за собой никаких кардинальных изменений в общественно-политической жизни факультета и университета, они показали политическую активность студентов и молодых преподавателей, их готовность к участию в общественной жизни.

Осознавая огромную важность контроля за общественно-политической жизнью студентов ИФФ, руководство факультета и университета придавало в этой связи большое значение политико-воспитательной работе с ними, которая являлась значительной составляющей всего образовательного процесса в послевоенный период. Главную роль в организации этого процесса играли партийная организация и комсомольское бюро факультета. Политико-воспитательная работа среди студентов проводилась в форме политчасов по актуальным вопросам современной внешней и внутренней политики, в форме привлечения студентов к агитационной работе среди рабочей молодежи и школьников Томска (из состава студентов формировались лекторские группы докладчиков, выступавших на предпри-

ятиях и в школах Томска и области). Важным в политико-воспитательной работе студентов факультета было постоянное их участие в сельскохозяйственных работах, в работах по благоустройству города и университета и т.п.

Таким образом, во второй половине 1940-х – 1950-е гг. ИФФ ТГУ, в силу своей отдаленности от центра страны, незначительно пострадал от большинства идеологических кампаний. Однако некоторые отголоски докатились и до Томска, хотя широкомасштабными репрессиями и мероприятиями эти кампании в ТГУ отмечены не были. Все ограничилось лишь разбором персональных дел на общих собраниях и некоторыми корректировками учебного и научного процессов. Причину того, что репрессии на факультете в ходе идеологических кампаний не достигли размаха, нужно искать не только в том, что Томск находился вдалеке от столичных городов, но и в мудром поведении руководства и профессорско-преподавательского состава ИФФ, поскольку они не давали обостряться конфликтным ситуациям, в том числе и после XX Съезда. По этому поводу Б.Г. Могильницкий говорил следующее: «...вообще надо отдать должное нашим факультетским отцам-основателям – очень достойно они себя вели в этой непростой ситуации» [17. С. 138]. В частности, «факультет не проявил собственной инициативы в борьбе с космополитизмом, – говорит Б.Г. Могильницкий, – потому что во главе его стояли такие люди, как А.И. Данилов, А.П. Бородавкин и др. Я не знаю, можно ли их назвать либералами, но это были люди очень социально ответственные, социально разумные» [17. С. 139].

ЛИТЕРАТУРА

1. Хаминов Д.В. Восстановление исторического образования в Томском университете и первый период работы исторического (историко-филологического) факультета (1940–1945 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 1(9). С. 143–157.
2. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 15.05.1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // СЗ. 1934. № 26. Ст. 206; «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», № 113, 16.05.1934 г.
3. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 115. Оп. 4. Д. 20.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 4298.
5. За советскую науку (Томск). 1947.
6. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 4. Д. 21.
7. Сизов С.Г. Идеологическая кампания 1947–1953 гг. и вузовская интеллигенция Западной Сибири // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 97–105.
8. Генина Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Кемерово, 2009. 54 с.
9. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 4310.
10. За советскую науку. 1949.
11. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 2106.
12. Могильницкий Б.Г. Из истории становления исторического образования в ТГУ: А.И. Данилов – создатель Томской историографической школы // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 268. С. 126–133.
13. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 4322.
14. За советскую науку. 1956.
15. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 25. Д. 4364.
16. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1203.
17. Могильницкий Б.Г. Вспоминая пережитое // Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах / Сост. Д.В. Хамина, С.А. Некрылов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 134–158.
18. За советскую науку. 1989. 12 мая.
19. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 29. Д. 735.
20. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 10. Д. 67.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 марта 2011 г.